

RU

Языковая репрезентация черт национального менталитета в сопоставительном аспекте (русско-немецкие параллели)

Бойкова И. Б.

Аннотация. Цель исследования – это поиск ответа на вопрос: отражена ли в лексике русского языка национальная черта, определяемая европейцами как природная склонность русских к подчинению. В статье проводится сопоставительный лексико-семантический анализ основных обозначений ситуации подчинения в русском и немецком языках. В ходе анализа выявляются сходства и различия семантических признаков, а также денотативный потенциал отобранных лексем. Полученные результаты показали, что идея подчинения проникла в семантику немецких лексем глубже, чем в семантику русских. Для интерпретации результатов сопоставления привлекаются положения лингвокультурологии, имагологии и современной теории архетипов. Учёт этих положений приводит к предварительному выводу, что общеевропейское мнение о природной склонности русских к подчинению – ложный стереотип. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в сопоставительном плане исследуется языковая репрезентация национального стереотипа, который отражает не самовосприятие, а восприятие нации «извне». Впервые получены свидетельства несоответствия языковых данных стереотипу. Научная новизна предложенного подхода состоит также в том, что он показывает возможности расширения предмета исследования лингвокультурологии, которая до настоящего времени была сосредоточена на языковой репрезентации культурных концептов, а не черт национального менталитета.

EN

Linguistic representation of the features of national mentality in a comparative aspect (Russian-German parallels)

Bojkova I. B.

Abstract. The aim of the research is to investigate whether the lexicon of the Russian language reflects a national trait, as perceived by Europeans, of a natural inclination of Russians towards subordination. The paper conducts a comparative lexico-semantic analysis of the main expressions denoting the situation of subordination in Russian and German. The analysis aims to identify similarities and differences in semantic features, as well as the denotative potential of the selected lexemes. The results show that the idea of subordination is more deeply ingrained in the semantics of German lexemes than in that of Russian lexemes. The interpretation of the comparative results draws on the principles of linguoculturology, imagology and the contemporary theory of archetypes. Taking these principles into account leads to the preliminary conclusion that the common European opinion about the natural inclination of Russians towards subordination is a false stereotype. The research is novel in that it is the first to examine from a comparative perspective the linguistic representation of a national stereotype that reflects the perception of a nation from an external perspective rather than self-perception. The work is the first to provide evidence that linguistic data does not correspond to the stereotype. Scientific novelty lies also in the fact that the proposed approach expands the scope of research in linguoculturology, which has traditionally focused on the linguistic representation of cultural concepts rather than national mentality.

Введение

Общеевропейский стереотип, согласно которому русскоязычные люди, в отличие от жителей Европы, от природы склонны к подчинению, принят за гипотетическую черту русского национального менталитета. Статья посвящена поискам языковой репрезентации этой черты.

Актуальность темы исследования определяется потребностью в выработке общих принципов интерпретации отношений между языком и национальным менталитетом. Отражение национальной специфики в языке исследовалось с позиций семасиологии представителями Московской семантической школы, затем

этот феномен стал изучаться в ономаσιологическом аспекте лингвокультурологами. Процесс реконструкции культурных концептов выявил опасность влияния субъективного фактора на интерпретацию взаимосвязи между языком и национальным менталитетом, что послужило поводом поставить под сомнение само наличие такой связи (От лингвистики к мифу..., 2013). Данное обстоятельство, а также сложность выявления культурных концептов приводят к поиску новых возможностей для продолжения ономаσιологического исследования этноспецифики языков. Среди таких возможностей – обращение к результатам семасиологического подхода и к общему междисциплинарному полю наук о человеке. Последнее показано в представленном исследовании.

В ходе исследования решается ряд задач: определяются основные лексемы русского языка, обозначающие подчинение человека, и их соответствия в одном из европейских языков, а именно в немецком; проводятся лексико-семантический анализ и сопоставление отобранных лексем; предлагается интерпретация полученных результатов.

Контексты употребления немецких лексем как исходный материал для анализа были выявлены методом сплошной выборки из словаря DUDEN „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“ (4. Aufl. Mannheim, 2012), а затем дополнены контекстами из словарей и корпусов на портале Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS. <https://www.dwds.de>). Источником данных о значениях русских лексем послужил Большой толковый словарь русского языка (сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. 1998. <https://gufo.me/dict/kuznetsov>).

Теоретическую базу исследования составляют общие положения Московской семантической школы (Апресян, 2005), лингвокультурологии (Карасик, 2002; 2009; Воркачев, 2010; 2014; Стернин, 2008), имагологии (Земсков, 2011; Красавченко, 2018), теории архетипов (Монина, 2010; Крупкин, 2012), а также одна из концепций предложной семантики (Плунгян, Рахилина, 2000).

Для достижения цели исследования в статье проводится лексико-семантический анализ русских и немецких лексем, отражающих ситуацию подчинения. В ходе анализа применялись следующие методы исследования. Методом сплошной выборки из толковых словарей и корпусов выявлялись контексты употребления отобранных для анализа лексем, а методом направленной выборки контекстов расширялась база для компонентного анализа, результаты которого сопоставлялись с данными, полученными методом анализа словарных статей. Сходство и различие компонентного состава в парах лексем двух языков устанавливались посредством сопоставительного метода, после чего проводился семантико-когнитивный анализ различий. При описании семантики предлогов применялся метод семантической классификации.

Результаты проведённого сопоставительного исследования имеют практическую значимость: они могут быть использованы при подготовке теоретических и практических курсов, посвящённых вопросам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и контрастивной лингвистики.

Обсуждение и результаты

Тяга к подчинению как типичная черта русского народа постоянно отмечалась европейскими наблюдателями, которые формировали и/или выражали общественное мнение своих стран. Вот несколько примеров.

Дипломат Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн в 1549 г. опубликовал «Записки о Московии», в которых писал: «Все они называют себя холопами (chlopi, Chlopn), т. е. рабами государя. <...> Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе» (Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988, с. 112). Шведский офицер Юхан Йерне в «Петербургском дневнике» 1725-1726 гг. называл жителей России варварским народом и полагал, что такие люди заслуживают самого жестокого обращения, так как «сама природа наделила их низменным и рабским нравом» (Коваленко, Шаскольская, 2016, с. 315). Французский писатель Александр Дюма, посетивший Россию в 1858-1859 гг., был поражён молчаливостью русских. Её причину в «Путевых впечатлениях» он объяснял так: «Несчастный народ! Не привычка ли к рабству приучила тебя молчать? <...> у русского крестьянина никакого понятия о свободе нет» (Дюма А. Путевые впечатления. В России: в 3-х т. М., 1993. Т. 1, с. 288).

В XXI веке аналогичные наблюдения делают немецкие авторы исследований по межкультурной коммуникации – правда, терминология меняется. В одной из работ этого направления перечень межкультурных различий начинается с различия „hohe Machtdistanz / hohe Hierarchieorientierung“ (значительная дистанция между вышестоящими и нижестоящими / чётко выраженная ориентация на иерархические отношения в обществе (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – И. Б.)) в России, в отличие от „geringe Machtdistanz / geringe Hierarchieorientierung“ (незначительная дистанция между вышестоящими и нижестоящими / слабая ориентация на иерархические отношения в обществе) в Германии (Franzke, Henfling, 2016, S. 14). На эти положения опираются составители рекомендаций для бизнесменов, планирующих деятельность в России. Например, в брошюре „Kulturelle Werte in Russland. Ein Ratgeber für Unternehmen“ (https://www.eidam-und-partner.de/files/downloads/eidam_und_partner_kulturelle_werte_in_russland.pdf) ориентация на иерархические отношения в обществе прокомментирована так: „Das heißt, dass die Rangunterschiede zwischen den Menschen als naturgegeben angesehen und nicht in Frage gestellt werden. <...> jede einzelne Person hat einen fest zugeordneten Platz im sozialen System. Hier ist zu beachten, dass Kritik an höhergestellten Personen nicht geäußert werden sollte, denn das würde die naturgegebene Hierarchie in Frage stellen...“ / «Это значит, что иерархические различия между людьми рассматриваются как естественные и не подвергаются сомнению. <...> каждый отдельный человек имеет чётко закреплённое место в социальной системе. Здесь не следует критиковать вышестоящих, так как критика поставила бы под сомнение естественную иерархию...».

Итак, по мнению европейцев, русские считают состояние подчинения нормой жизни. Правомерен вопрос: если подчинение является постоянным состоянием русскоговорящих людей многие века, не нашло ли это какого-либо отражения в системе языка? Наличие (или отсутствие) такой связи можно проверить, сравнив русский язык с одним из европейских, например с немецким. Самыми очевидными средствами обозначения подчинения в русском языке являются глаголы *подчинять*, *подчиняться*, существительное *подчинение* и предлог *под*. В немецком языке есть соответствия этих слов. В статье представлено межъязыковое сопоставление названных лексических средств. Контексты употребления выявлены методами сплошной и направленной выборки из источников, указанных во Введении, и сокращены до объективно необходимого минимума. В сопоставляемых парах сначала приводится немецкий контекст, а затем русский.

Отношение подчинения в семантике немецкого предлога *unter* и русского предлога *под*. Интерпретация предложной семантики, представленная в ряде работ автора, например в статье (Бойкова, 2019), сводится к следующему: предлог указывает на отношение между объектами; это отношение определяется теми свойствами объектов, которые они проявляют относительно друг друга, то есть их относительными свойствами; вступать в одно и то же отношение могут объекты с разными собственными свойствами. Исследование показало, что отношение подчинения в двух языках устанавливается как при одинаковых, так и при различных комбинациях собственных свойств объектов. Эти сходства и различия описаны ниже. В исследовании учтены некоторые положения из работы В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной (2000), посвящённой русскому предлогу *под*. Авторы видят в разных значениях этого предлога разные трансформации центрального значения, которое определяется как нахождение одного объекта в области доминанции другого (Плунгян, Рахилина, 2000, с. 123-124). В указанной работе выделен чисто функциональный тип доминирования, который, как следует из примеров, наиболее явно выражает идею подчинения. В качестве иллюстрации приведены 24 русских существительных, которые обозначают функционально доминирующие объекты (Плунгян, Рахилина, 2000, с. 132).

Ниже рассматриваются такие комбинации свойств доминирующего (А) и зависимого (В) объекта в семантике предлогов *unter* и *под*, при которых устанавливается отношение подчинения в узком смысле слова: в конструкциях „В *unter* А“ и «В *под* А» зависимым объектом В постоянно является человек (или группа людей), его состояния и действия. Поэтому анализ комбинаций свойств А и В в двух языках сужается до анализа свойств доминирующего объекта А при относительно постоянном зависимом В. Анализ заключается в выделении семантических групп возможных номинаций А. Формально доминирующий участник А всегда представлен именной группой (напр., *Aufsicht – присмотр*), а зависимый участник В имеет различные формы выражения: это либо именная группа (напр., *Kinder unter Aufsicht – дети под присмотром*; *Kochen unter Aufsicht – приготовление еды под присмотром*), либо глагольная группа (напр., *Die Kinder kochen unter Aufsicht ihrer Eltern. / Дети готовят еду под присмотром родителей*). Далее форма представления участника В указывается только в тех случаях, когда это необходимо для проводимого анализа.

Отношение подчинения обозначается предлогами обоих языков в следующих случаях.

1. В конструкциях „В *unter* А“ и «В *под* А» А – это власть, а В – человек/люди, жизнь и деятельность людей, например: *das Leben der alten Ägypter unter der Macht des Pharaos – жизнь древних египтян под властью фараона*. Примеры номинации власти в предложных группах „*unter* А“ и «*под* А»: *unter jemandes Macht – под чьей-л. властью*, *unter Arrest – под арестом*, *unter jemandes Aufsicht – под чьим-л. надзором*, *unter jemandes Herrschaft – под чьим-л. господством*, *unter jemandes Schutz – под чьей-л. защитой*.

Обозначение власти как *Quarantäne* (карантин) или *Vertrag* (договор) возможно только в немецком языке. Ср.: *unter Quarantäne stehen – находиться на карантине*, *unter Vertrag sein – быть на контракте*.

Номинация участника А может обозначать не только власть, но и субъект власти. В немецком языке такие метонимические замены не являются отклонением от нормы, а в современном русском определяются как разговорные. Пример употребления предлога *под* с этой пометой в Большом толковом словаре русского языка (1998): «Русские под татарами жили триста лет». Литературным эквивалентом немецкой конструкции „В *unter* А“ в подобных случаях является «В *при* А», если имеется в виду государственная власть, напр.: *unter dem Faschismus – при фашизме*, *unter Napoleon – при Наполеоне*. Если А – это субъект власти меньшего масштаба, то русскоязычные соответствия более разнообразны. Ср.: *unter einem Oberen – под началом начальника*, *unter der Firma N. – в составе фирмы N.*, *unter dem Chef N. – при боссе N.*

2. А – руководящая деятельность, В – действия (и состояния) человека/людей, напр.: *unter jemandes Anleitung kochen – готовить еду под чьим-л. руководством*. Другие номинации А в предложных группах „*unter* А“ и «*под* А»: *unter jemandes Moderation – под чьим-л. руководством*, *unter jemandes Vorsitz – под чьим-л. председательством*, *unter jemandes Regierung – под чьим-л. правлением*.

Некоторые номинации руководящей деятельности возможны в предложной группе „*unter* А“, но неупотребительны в «*под* А»: *unter jemandes Direktorat – *под чьим-л. директорством*, *unter jemandes Regie – *под чьей-л. режиссурой*.

3. А – влияние, В – действия, изменения, состояние подчинённого участника отношения, напр.: *unter Androhung von Gewalt etwas bekennen – признаться в чём-либо под угрозой насилия*.

Другие обозначения влияния в предложных группах: *unter dem Einfluss von Dat. – под влиянием кого-л./чего-л.*, *unter Einwirkung von Dat. – под воздействием чего-л.*, *unter (jemandes) Druck – под (чьим-л.) давлением*.

Доминирующий участник А может быть представлен не как влияние, а как субъект (источник) влияния, напр.: *unter Alkohol – под алкоголем*, *unter Drogen – под наркотиками*, *unter Medikamenten – под лекарствами*. В русском языке такие сочетания тяготеют к разговорному стилю, а в нормативном варианте предложная группа содержит слово *влияние* (воздействие) чего-л., напр.: *под влиянием алкоголя*.

В немецком языке, в отличие от русского, источником негативного влияния может быть также собственное негативное состояние, вызванное сильным внешним воздействием: **Schock** (шок) – *unter Schock stehen* – быть в шоке, **Stress** (стресс) – *unter Stress stehen* – быть в состоянии стресса. (Возможны также варианты *im Schock* и *im/in Stress*.)

4. А – негативное мнение о В, напр.: *Er steht unter gerichtlicher Anklage*. / Он находится под уголовным преследованием. Другие номинации А в предложных группах: *unter dem Fluch* + Gen. / von + Dat. – под проклятием + род. п., *unter Verdacht* – под подозрением.

5. А – точка зрения, позиция, В – умственное действие или его результат (суждение), напр.: *Unter diesem Blickwinkel haben wir die Sache nicht betrachtet*. / Мы не рассматривали этот вопрос под таким углом зрения (существует также вариант *aus diesem Blickwinkel*).

Только в немецкой предложной группе „unter А“ возможны следующие номинации: *unter einem bestimmten Aspekt* – в определённом аспекте, *unter dem Vorbehalt, dass ...* – с оговоркой, что ..., *unter einem bestimmten Gesichtspunkt* (также: *von einem bestimmten Gesichtspunkt aus*) – с определённой точки зрения.

6. А – это руководящая мысль: *unter der Devise* / *dem Leitspruch* / *der Losung* / *dem Motto* / *dem Wahlspruch* – под лозунгом/девизом, напр.: *den Wahlkampf unter dem Motto „...“ führen* – вести предвыборную борьбу под лозунгом «...».

В немецком языке, в отличие от русского, доминирующий объект А может быть обозначен также как *der Gedanke* (мысль): *unter dem Gedanken des Dienstes am Nächsten* – с мыслью о служении ближним, *unter dem Gedanken „Hilfe für Kinder in der Region“* – под лозунгом «Поможем детям региона».

7. Отдельная группа – это объекты А, которые проявляют доминацию ослабленно: не как управление действиями человека, а как создание звукового фона для этих действий, напр.: *Unter starkem Applaus trat die Schauspielerin ab*. / Под бурные аплодисменты актриса покинула сцену. Падежная форма существительного А в немецком языке (Dativ) вносит в ситуацию признак статичности, а в русском (винительный падеж) – признак динамичности. Примеры предложных групп с данным значением А: *unter Absingen von Liedern* – под пение песен, *unter jemandes Getuschel* – под чьё-то переищёптывание, *unter Protest* – под протестующие возгласы.

В немецком языке, кроме того, звуковой фон А может быть естественным результатом собственного физического действия участника В, напр.: *in die Tür eines Autos unter lautem Krach prallen* – врезаться в дверь автомобиля с громким треском.

Таким образом, конструкции „В unter А“ и «В под А» описывают отношение подчинения при одинаковых семантических свойствах объекта А, однако в большинстве семантических групп (за исключением группы «негативное мнение») наблюдается перевес немецкоязычных номинаций.

Отношение подчинения обозначается только немецким предлогом unter. В этом разделе описаны ситуации подчинения, отражённые только в семантике немецкого предлога; русский язык категоризирует такие ситуации иначе.

1. Конструкция „В unter А“ представляет ситуацию, в которой обстоятельства господствуют над действиями человека. А – это внешние обстоятельства, которые или предшествуют действию (напр., *nur unter diesen Voraussetzungen die Arbeit aufnehmen* – начать работу только при этом условии), или сопровождают действие (напр., *unter gleichen Bedingungen arbeiten* – работать в одинаковых условиях). Другие возможные номинации А в предложной группе „unter А“: *unter den gegebenen Umständen* – при данных обстоятельствах, *unter Gefahr für sein eigenes Leben* – с риском для собственной жизни, *unter Schwierigkeiten* – преодолевая трудности и прочие.

Доминирующие обстоятельства могут также вольно или невольно создаваться самим человеком, напр.: *Austritt eines Klosterangehörigen unter Bruch des Gelübdes* – уход монаха из монастыря из-за нарушения обета, *unter dem Verlust Tausender Stellen* – потеряв тысячи рабочих мест, *unter Aufgabe der Herkunftskultur* – отказавшись от своей национальной культуры, *unter allzu großen Opfern* – ценой слишком больших жертв.

2. Конструкция „В unter А“ отражает отношение между двумя одновременными действиями одного субъекта как доминирующим и подчинённым. Русскоязычное соответствие в форме деепричастного оборота представляет положение дел противоположным образом: А – это сопутствующее действие, а В – основное, напр.: *die Aufgabe unter Anspannung aller Kräfte lösen* – решить задачу, напрягая все силы. Наряду с деепричастным оборотом, в русском языке возможны и другие соответствия, ни одно из которых не передаёт идею подчинения. В свою очередь, деепричастные обороты русского языка в целом описывают более широкий круг ситуаций, чем немецкая конструкция „В unter А“, в которой действия А и В должны быть органически связаны – иначе конструкция не реализуется. Ср.: *Он шёл по улице, разглядывая вывески*. / *Er ging die Straße entlang und schaute auf die Schilder*.

Доминирующее действие А в ситуациях данного типа – это собственное физическое или умственное действие лица, напр.: *unter Anwendung* + Gen. / von Dat. (применяя), *unter Berücksichtigung* + Gen. / von Dat. (учитывая), *unter Überwindung* + Gen. / von Dat. (преодолевая), *unter Umrühren* (помешивая).

Частный случай проявления А – отказ от другого действия, напр.: *unter Ausschaltung* (исключив), *unter Umgehung* (в обход), *unter Vermeidung* (избегая), *unter Verzicht* (отказавшись).

2а. Параллельные действия выполняются разными субъектами. Привлечение помощника выражается предложной группой „unter А“, где А – это обозначение чьего-либо участия, помощи, напр.: *den Sumpf unter Zuhilfenahme von externen Experten trockenlegen* (осушить болото, прибегнув к помощи приглашённых специалистов). Возможные обозначения помощи в предложной группе „unter А“: *unter Beteiligung* (при участии), *unter Assistenz* (при содействии), *unter Mitwirkung* (при участии/сотрудничестве).

3. В конструкции „В unter А“ доминирующий участник А представлен как негативное состояние человека, совершающего действие В, или внешнее проявление такого состояния, напр.: *unter seelischen Qualen den Brief bis*

zu Ende schreiben – дописывать письмо, испытывая душевные муки. Другие номинации негативного состояния А в предложной группе: unter **Schmerzen** (страдая от боли), unter **Tränen** (со слезами), unter **Seufzen** (всхлипывая).

4. В конструкции „В unter А“ А – это источник страдания (напр., *Hunger – голод*), а В – состояние, обозначенное глаголом *leiden* (страдать). Эквивалентная русская конструкция – «В от А», где В – глагол *страдать*, напр.: **unter Hunger leiden** – страдать от голода. По данным DWDS-Wortprofil, в первую десятку самых частых источников страдания входят: *die Folgen* (последствия), *die Depression* (депрессия), *die Probleme* (проблемы), *die Krise* (кризис), *der Mangel* (нехватка), *die Schmerzen* (боли), *die Krankheit* (болезнь), *die Störung* (помеха), *die Konkurrenz* (конкуренция), *der Krieg* (война).

Семантика номинанта А в целом определяется как «положение дел». Выборка из словаря DUDEN (2012) содержит также номинации А с семантикой «лицо»: *Sie leidet unter ihrem Chef* (букв.: Она страдает от своего шефа), *Er leidet unter seinem Turnlehrer* (букв.: Он страдает от своего учителя физкультуры).

С предлогом *unter* конкурирует предлог *an* – в основном в тех случаях, когда источником страдания является физическое или психическое состояние человека, напр.: *die Krankheit* (болезнь), *die Depression* (депрессия).

Глагол *leiden* имеет квазисинонимы, которые указывают только на внешние проявления страдания: *ächzen* (кряхтеть) (*Er ächzt unter den Schulden.* / Он стонет от долгов); *stöhnen* (стонать) (*Wir stöhnen unter der Hitze.* / Мы стонем от жары).

5. Немецкая конструкция „В unter А“ может быть интерпретирована как «доминанция множества над элементами», при этом доминанция распространяется и на события, происходящие с элементами множества. А – это множество/совокупность людей, а В – или отдельные люди (*Hier ist sie eine unter vielen.* / Здесь она одна из многих; *Wir mischten uns unter die Gäste.* / Мы смешались с гостями), или отдельные события, в которых люди принимают участие (*ein Informationsaustausch unter den Mitarbeitern* – обмен информацией между сотрудниками, *Prüfgeleien unter den Schülern* – драки среди учеников).

Итак, в немецкой конструкции „В unter А“ доминирующий участник А представлен бóльшим количеством семантических групп, чем аналогичный участник в русской конструкции «В под А». Таких групп пять. В описание включены только те ситуации подчинения, в которых участник В может быть человеком или группой людей.

Отношение подчинения в семантике глаголов и существительных двух языков. Русское существительное *подчинение* может представлять связь между участниками ситуации в двух направлениях: от доминирующего участника к зависимому (*держат в подчинении кого-л.*) и от зависимого к доминирующему (*быть в подчинении у кого-л.*). Глаголы *подчинять* и *подчиняться* указывают только на одно направление связи. Немецкие глаголы и существительные отражают отношение подчинения более дифференцированно.

Глагол (*sich*) *unterwerfen* (*подчинять(ся)*) и отглагольное существительное *die Unterwerfung* (*подчинение* как связь между участниками ситуации в любом направлении) имеют более узкие прямые значения, чем их русские соответствия, названные выше: немецкие лексемы обозначают только такие отношения, которые устанавливаются самими участниками, напр.: *Fremde Eroberer unterwarfen das Land.* / Иноземные завоеватели подчинили себе (покорили) страну; *Wir müssen uns den gegebenen Bedingungen unterwerfen.* / Мы должны подчиниться данным условиям; *die Stämme zur Unterwerfung zwingen* – принудить племена к подчинению; *die Unterwerfung unter eine Autorität* – подчинение авторитету.

Два других глагола и отглагольных существительных, образовавшихся в немецком языке позже, чем (*sich*) *unterwerfen* и *die Unterwerfung*, сначала имели такие же значения, а затем стали обозначать отношение подчинения, установленное извне. Это синонимичные друг другу глаголы *unterstellen*, *unterordnen* и существительные *die Unterstellung*, *die Unterordnung*. Все лексемы ориентируют отношение в направлении от зависимого участника ситуации к доминирующему. Позднее (судя по данным исторических корпусов DWDS, в начале XIX в.) появился конверсив названных глаголов *überordnen* (букв.: *надчинить), от которого образовано существительное *die Überordnung* (букв.: *надчинение). Эти лексемы представляют другое направление ориентации отношения: от доминирующего участника к зависимому.

Оба синонимичных глагола и их конверсив употребляются преимущественно в форме Partizip II (причастие прошедшего времени), что вносит в семантику глагола признак результативности. Типичный случай регламентированного подчинения в человеческом обществе – это узаконенные иерархии, напр.: *die dem Ministerium unterstellten/untergeordneten Behörden* – подчинённые министерству организации, *die übergeordnete Instanz* – вышестоящая инстанция, *die Unterstellung der Ärzte unter das Arbeitsgesetz* – подчинение врачей трудовому законодательству, *die Unterordnung der Individuen unter die Gesetze der Allgemeinheit* – подчинение индивидов общественным законам, *die Überordnung über andere Ämter* – статус вышестоящей инстанции относительно других ведомств.

Две лексемы из этой группы, *unterordnen* и *Unterordnung*, отчасти сохранили также первоначальное значение: они могут показывать, что отношение устанавливается зависимым участником: *Wir müssen uns den gegebenen Bedingungen unterordnen.* / Мы должны подчиниться данным условиям; *die Bereitschaft zur Unterordnung im Mannschaftsspiel* – готовность к подчинению в командной игре.

С помощью лексических средств немецкого языка может быть описана не только ситуация непосредственного подчинения, но и ситуация включения человека (как и любого другого объекта) в иерархию. Для этого используются глагол *einstufen* и существительное *die Einstufung*, имеющие прозрачную мотивацию: *ein-* – движение внутрь, *die Stufe* – ступень. Совокупное лексическое значение – «помещение на соответствующую ступень иерархии», напр.: *Der Junge wurde in die unterste Klasse eingestuft.* / Мальчика определили в самый младший класс; *Die Einstufung des Jungen in die unterste Klasse* – помещение мальчика в самый младший класс; *Der Sportler wurde in die Behinderungsklasse neun eingestuft.* / Спортсмен получил девятый класс инвалидности. Глагол и существительное употребляются также в тех случаях, когда иерархия отсутствует, но есть выбор между

категориями одного уровня: *Der Mann wurde falscherweise als Selbstständiger eingestuft.* / Мужчину ошибочно отнесли к категории самозанятых; *seine Einstufung als Selbstständiger* – включение его в категорию самозанятых.

С начала 1990-х гг. в немецком языке появилось выражение *flache Hierarchie* (букв.: плоская иерархия), которое обозначает иерархическую структуру предприятия с меньшим, по сравнению с обычным, количеством ступеней управления. Показательно, что в этой кальке с английского (*flat organization*) существительное *organization* (организация) переосмыслено в *Hierarchie* (иерархия). Это указывает на потребность говорящих отразить в номинации представление об иерархии.

Итак, русские лексемы *подчинять, подчиняться и подчинение* имеют по несколько соответствий в немецком языке, которые в совокупности отражают ситуацию подчинения более дифференцированно. Кроме того, в немецком языке номинируется не только непосредственное подчинение человека кому- или чему-либо, но и включение человека в иерархию.

Интерпретация результатов исследования. Таким образом, с одной стороны, согласно европейскому (в том числе немецкому) общественному мнению, русскоязычные люди от природы склонны к подчинению, с другой стороны, получены свидетельства того, что идея подчинения проникла в семантику немецких лексем глубже, чем в семантику русских. Возникает вопрос о причинах такого несоответствия.

Обращение к лингвокультурологии, дисциплине, которая изучает отражение культуры в языке и дискурсе, не даёт ответа на этот вопрос: в работах данного направления описаны только культурно-языковые соответствия, но не противоречия. В качестве примера можно привести исследования В. И. Карасика (2002; 2009), С. Г. Воркачев (2010), И. А. Стернина (2008). Возможно, отсутствие данных о противоречиях связано с тем, что до настоящего времени лингвокультурология была сосредоточена на языковой репрезентации культурных концептов, а не черт национального менталитета, хотя один из постулатов этого направления состоит в том, что лингвокультурный концепт отражает черты национального менталитета. Видимо, выделение таких черт для лингвистического анализа – задача не менее сложная, чем выделение базовых лингвоконцептов – на сложность выделения последних указывает, например, С. Г. Воркачев (2014, с. 15).

Вне связи с лингвистикой черты национального менталитета выявляются в социологических опросах, пропагандируются в средствах массовой информации, отражаются в произведениях искусства. При этом национальный менталитет может быть интерпретирован как «изнутри», так и «снаружи» – и между этими интерпретациями существуют различия. Примером такого различия и является природная склонность русских к подчинению, которая, насколько известно автору статьи, не отмечается самими русскими как их отличительная черта. Восприятие национального менталитета его носителями и сторонними наблюдателями изучается имагологией. В исследованиях самих европейцев утверждается, что мнение одной нации о другой в принципе необъективно. Один из многих примеров – рассуждения французского автора Ш. Корбе, который, анализируя восприятие России во Франции, ещё в 1967 г. объяснял формирование национального мнения потребностью в самопознании, а не в объективном изучении другой нации, он считал национальное мнение эмоциональным феноменом (Таньшина, 2018, с. 103-104). В настоящее время имагология выявляет стереотипы взаимного восприятия наций и самовосприятия, признавая субъективность этих стереотипов и не разделяя их на истинные и ложные (Земсков, 2011, с. 24), то есть предполагается, что заведомо субъективное мнение о других или о себе либо соответствует действительности, либо нет. Различие между субъективным истинным и субъективным ложным мнением не учитывается в имагологии, но, очевидно, существенно для исследования языкового отражения стереотипов: логично предположить, что именно истинные стереотипы в той или иной степени представлены в системе языка и в различных типах дискурса. Степень интенсивности отражения может быть установлена, в частности, с использованием сопоставительного метода, как в представленном исследовании. Результаты сопоставительного анализа ограниченного лексического материала позволяют сделать предварительный вывод о том, что общеевропейское мнение о природной склонности русских к подчинению – ложный стереотип.

Данные о чертах национального и общечеловеческого менталитета вне связи с чьим-либо субъективным мнением содержатся также в современных исследованиях архетипов. Выделяются, в частности, архетипы социальности, характерные для мира людей в целом, среди них – архетип власти/подчинения (Крупкин, 2012, с. 274). Если это так, то определения «от природы» и «естественный» по отношению к русской покорности некорректно сужают область проявления архетипа до одной нации.

Обращает на себя внимание общая черта архетипов и национально-культурных стереотипов: отсутствие рациональности. На близость этих явлений указывает также то, что предпринимаются попытки выделения культурных архетипов (Монина, 2010), а В. Б. Земсков (2011, с. 13, 19) употребляет термин «культурно-бессознательное».

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Проанализированные немецкие лексемы более активно и разносторонне представляют отношение подчинения, чем русские. Это проявляется следующим образом: посредством предлога *unter* немецкий язык устанавливает отношение подчинения в тех ситуациях, которые русский язык категоризирует иначе (в семантике немецкого предлога *unter* доминирующий участник отношения представлен большим количеством семантических групп, чем в семантике русского предлога *под*, а идентичные семантические группы представлены большим количеством лексем в немецком языке, чем в русском); немецкие номинации подчинения – глаголы и существительные – более многочисленны и представляют ситуацию подчинения более дифференцированно, чем аналогичные лексемы русского языка, в немецком языке номинируется не только непосредственное подчинение, но и включение в иерархию.

Обращение к данным лингвокультурологии, имагологии и современной теории архетипов для интерпретации результатов анализа позволяет заключить, что общеевропейское мнение о природной склонности русских к подчинению – ложный стереотип. Заключение носит предварительный характер, так как проведённое исследование – единственный пример анализа несоответствия языковых данных стереотипу.

Проведённое исследование вписывается в перспективы дальнейшего исследования этноспецифики языков с позиций ономазиологии. Результаты работы могут быть использованы в лингвокультурологии, которая до настоящего времени была сосредоточена на языковой репрезентации культурных концептов, а не черт национального менталитета. Черты национального менталитета, очевидно, воплощаются в языках разными способами и в разном масштабе. Сопоставительное описание этих воплощений могло бы стать одной из задач лингвокультурологии. Сложность таких исследований заключается в отсутствии очевидного объекта анализа: заранее заданных языковых единиц или дискурсов.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
2. Бойкова И. Б. Положения на воде и на суше в зеркале немецких предлогов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и её терминсистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49).
4. Воркачев С. Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре: монография. Волгоград, 2010.
5. Земсков В. Б. Россия на «переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М., 2011.
6. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 10 (44).
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
8. Коваленко Г. М., Шаскольская Т. И. Петербургский дневник Юхана Йёрне, 1725-1726 // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты (г. Санкт-Петербург, 18-21 ноября 2014 г.). СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2016.
9. Красавченко Т. Н. Золушка компаративистики – имагология: о статусе, теории и истории // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы: сб. науч. трудов / отв. ред. Е. А. Цурганова. М., 2018.
10. Крупкин П. Л. Архетипы социальной ответственности // Публичное управление: теория и практика: сб. науч. трудов Ассоциации докторов государственного управления. Харьков, 2012. Спец. вып.
11. Моница Н. П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25).
12. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. статей / сост. А. В. Павлова. СПб., 2013.
13. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог под // Исследования по семантике предлогов: сб. статей. М., 2000.
14. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж, 2008. Вып. 1.
15. Таньшина Н. П. Образ России во французской историографии второй половины XX в.: рассуждения о книге Шарля Корбе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1.
16. Franzke B., Henfling R. Interkulturelle Kompetenz Deutschland-Russland. 20 Critical Incidents mit Lösungsmustern. Bielefeld, 2016.

Информация об авторах | Author information

Бойкова Ирина Борисовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Московский педагогический государственный университет

Bojkova Irina Borisovna¹, PhD

¹ Moscow Pedagogical State University

¹ irbbo@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.10.2023; опубликовано online (published online): 13.11.2023.

Ключевые слова (keywords): языковая репрезентация национального менталитета; подчинение; лингвокультурология; имагология; теория архетипов; linguistic representation of national mentality; subordination; linguoculturology; imagology; theory of archetypes.